

Интернациональный Союз писателей

**СБОРНИК
ЛАУРЕАТОВ ПРЕМИИ
ВЛАДИМИРА НАБОКОВА**

**ТОМ
I**

Сборник

**Сборник лауреатов премии
Владимира Набокова. Том 1**

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Сборник

Сборник лауреатов премии Владимира Набокова. Том 1 /
Сборник — «Региональное отделение продюсерского центра при
Интернациональном Союзе писателей», 2018

ISBN 978-5-907042-52-0

Дорогой читатель! Рады приветствовать вас на страницах сборника лауреатов премии Владимира Набокова. Все авторы, чьи произведения прошли строгий конкурсный отбор, были удостоены публикации в этом сборнике и весомой награды в области литературы – медали В. Набокова. Владимир Набоков – сын известного политика, одного из лидеров Конституционно-демократической партии (партии кадетов), из русского стародворянского рода Набоковых. В обиходе семьи Набокова использовались три языка: русский, английский и французский – таким образом, будущий писатель владел тремя языками с раннего детства. По собственным словам, он научился читать по-английски прежде, чем по-русски. О себе он говорил: «Я американский писатель, рождённый в России, получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу перед тем, как на пятнадцать лет переселиться в Германию. Моя голова разговаривает по-английски, моё сердце – по-русски, и моё ухо – по-французски». Владимир Владимирович Набоков был четырежды номинирован на Нобелевскую премию, но ни разу не стал ее обладателем. Впоследствии авторы многих изданий (в частности, London Times, The Guardian, New York Times) причисляли Набокова к тем писателям, кто незаслуженно не стал лауреатом этой наивысшей награды в области литературы. При этом Владимир Набоков заслужил эту премию дважды – за то, что свершил в русской и в англоязычной литературе. Стать великим в двух непохожих литературных традициях – это само по себе уже литературный подвиг. Один американский критик остроумно сказал: «Набоков не получил «нобелевки» не потому, что не заслуживает ее, а потому, что Нобелевская премия не заслуживает Набокова». В честь этого великого писателя с мировым признанием мы создали сборник, в который

вошли лучшие из лучших, кто подавал заявку на участие в премии. Прочитав их произведения, которые размещены на страницах этой книги, вы сможете прочувствовать все переживания, которые авторы вложили в свои творения, всю боль и радость от написания строк. Насладитесь и вы! Надеюсь, что никто не останется равнодушным!

УДК 821.161.1

ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907042-52-0

© Сборник, 2018

© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2018

Содержание

Предисловие	6
Елена Альиалибре	8
Французский роман	9
Причина	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сборник лауреатов премии Владимира Набокова. Том 1

Предисловие

*Главный редактор-составитель Интернационального Союза писателей
Ковалевская Юлия*

Самое страшное в пошлости – это невозможность объяснить людям, почему книга, которая, казалось бы, битком набита благородными чувствами, состраданием и даже способна привлечь внимание читателя к теме, далёкой от «злости дня», гораздо, гораздо хуже той литературы, которую все считают дешёвкой.

В. Набоков

Дорогой читатель! Рады приветствовать вас на страницах сборника лауреатов премии Владимира Набокова. Все авторы, чьи произведения прошли строгий конкурсный отбор, были удостоены публикации в этом сборнике и весомой награды в области литературы – медали В. Набокова.

Владимир Набоков – сын известного политика, одного из лидеров Конституционно-демократической партии (партии кадетов), из русского стародворянского рода Набоковых. В обиходе семьи Набокова использовались три языка: русский, английский и французский – таким образом, будущий писатель владел тремя языками с раннего детства.

По собственным словам, он научился читать по-английски прежде, чем по-русски. О себе он говорил: «Я американский писатель, рождённый в России, получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу перед тем, как на пятнадцать лет переселиться в Германию. Моя голова разговаривает по-английски, моё сердце – по-русски, и моё ухо – по-французски».

Владимир Владимирович Набоков был четырежды номинирован на Нобелевскую премию, но ни разу не стал ее обладателем. Впоследствии авторы многих изданий (в частности, London Times, The Guardian, New York Times) причисляли Набокова к тем писателям, кто незаслуженно не стал лауреатом этой наивысшей награды в области литературы. При этом

Владимир Набоков заслужил эту премию дважды – за то, что свершил в русской и в англоязычной литературе. Стать великим в двух непохожих литературных традициях – это само по себе уже литературный подвиг. Один американский критик остроумно сказал: «Набоков не получил «нобелевки» не потому, что не заслуживает ее, а потому, что Нобелевская премия не заслуживает Набокова».

В честь этого великого писателя с мировым признанием мы создали сборник, в который вошли лучшие из лучших, кто подавал заявку на участие в премии. Прочитав их произведения, которые размещены на страницах этой книги, вы сможете прочувствовать все переживания, которые авторы вложили в свои творения, всю боль и радость от написания строк. Насладитесь и вы!

Надеюсь, что никто не останется равнодушным!

Желаю вам приятного чтения!

Елена Алыналибре

Натальченко Елена Викторовна (псевдоним Елена Алыналибре) – писатель, поэт, переводчик с английского и испанского языков. Автор романа «Сближение. Пикап» в серии «Современники и Классики», Интернациональный Союз Писателей.

Окончила факультет филологии и журналистики Южного федерального университета (романо-германское отделение, английский и испанский языки) со степенью магистра филологии. Член Союза журналистов России с 2007 года. Обучалась в университете г. Аликанте (Испания) на курсах испанского языка и искусства.

С детства активно занимается музыкой. Лауреат конкурса «Звёзды Ростова», дипломант международного фестиваля-конкурса «Союз талантов России». С 2011 года обучается академическому вокалу. В 2014 году получила звание Заслуженного деятеля Всероссийского музыкального общества.

Лауреат премии по поддержке талантливой молодёжи, установленной Указом Президента РФ.

Лауреат конкурса-фестиваля «Ростовская Лира» в номинации «Лирическая поэзия».

Шорт-листер Московской литературной премии по итогам 2015 года.

Номинант на премию Антуана де Сент-Экзюпери.

Победитель конкурса «Донские рифмы – 2017».

Участник всероссийского проекта «Поэзия в лицах».

Лауреат Межрегионального творческого литературного фестиваля «Рассветы над Сурой» в номинации «Поэтическое мастерство»

Французский роман

Отрывок

Я помню, как меня, маленькую девочку шести лет, поднимают в воздух его сильные руки. Солнце светит ему в глаза, и он заслоняется моей тенью. Ветер развевает мои волосы пшеничного цвета, как у многих девочек моего возраста, голова обвязана красной ленточкой, которая путается в прядях. Белое платье на кокетке, в фиолетовый цветочек, с оборками вместо рукавов. Он всегда называл их крылышками, а меня птичкой, с улыбкой проводя по золотистому пушку на моих тонких руках. Я помню глаза мамы, которая беззаботно смеётся, переполненная нашим общим счастьем. А я раскидываю руки в стороны, подлетаю в воздух и, пикируя вниз, хватаюсь за воротник-стойку его рубашки. Всегда рубашки, даже в самую жаркую летнюю погоду.

У меня не было отца. Зато был он. Столько, сколько я себя помню. У кого-то первая любовь была в школе, у кого-то в детском саду, а он был рядом всегда. В моей комнате, которую до сих пор называют детской, на кухне, где так соблазнительно пахло горячим шоколадом для фондю, в ванной с летающими мыльными пузырями и сугробами пены, на каждый праздник и в любой будний день.

Однажды он ушёл. В тот день после школы я по привычке пробежала по лестнице на второй этаж нашего дома, заскочила в их с мамой комнату, крикнула маме «Бонжур!» и застыла на месте. Оговорюсь, что моим французским я обязана маме, которая решила, что я буду говорить на этом волшебном языке, ещё до моего рождения. Она рассказывала, что, как только мне исполнилось десять... дней, она принялась методично показывать мне карточки с французскими словами. Вместо колыбельной мама ставила мне шедевры Моцарта, так что я долго думала, что Моцарт – француз.

Мама в длинной серой юбке и белой блузе, словно героиня пьес Чехова, сидела на кровати, в её глазах не было ни блеска, ни огня, к которому я так привыкла. Я подумала, что она заболела. Но когда я подошла поближе, то заметила в её руках кольцо из белого золота, которое подарил ей он. Казалось, она не заметила ни моего приветствия, ни того, что я вошла. У меня в груди что-то ёкнуло. Я отвернулась и подошла к окну:

– Мама! Смотри! Это он!

Не оборачиваясь, я почувствовала, как мама пришла в себя, вскочила с кровати и бросилась к окну. Потом она, не отдавая отчёта в том, что это я оповестила её о его прибытии, выбежала из комнаты навстречу ему. Я не знаю, что произошло в моё отсутствие ни утром, ни после, главное, что теперь всё снова было прекрасно.

Вечером того же дня я сидела за роялем и мучила какую-то сонату. В который раз пройдясь по первым страницам, я с яростью ударила по клавишам, втянула голову в плечи, отбросила растрепавшиеся волосы со лба и сжала губы. Тяжело дыша, я ждала, пока моё дыхание станет ровным, чтобы повторить вредный пассаж. Раз в неделю у меня всегда были такие срывы, и мама даже не обращала на это внимания. Вдруг я почувствовала, как подошёл он. Мои губы стали расползаться в улыбке, но я снова насупилась. Он взял стул и сел к роялю рядом со мной. Его длинные пальцы опустились на клавиши и заиграли что-то безумно красивое. Я отклонилась в сторону, чтобы он мог достать нужные аккорды. Повернув голову, я увидела маму, стоя-

щую в дверях, таинственно улыбающуюся посреди этого музыкального великолепия. Внезапно он прервал игру, поднялся, подошёл к маме, провёл рукой по её волосам, снимая заколку-гребень, держащий её густые тёмно-русые волосы, затем он провёл руками по её талии и развязал пояс, который мама завязывала поверх юбки к ужину в качестве аксессуара. Мама молча ждала, пока он закончит. Он развернулся и подошёл ко мне. Встал за моей спиной, собрал мои волосы на макушке и щёлкнул заколкой. От его прикосновений у меня по спине побежали мурашки. Он развёл мои руки немного в стороны, присел и обвил пояс вокруг моей талии, завязав его бантом у меня за спиной. Я продолжала держать руки приподнятыми. Тогда он взял меня за кисти и поставил руки на клавиши в идеально правильной позиции. И вдруг дернул вниз рукава моего свободного домашнего платья, оголив плечи, и, поставив свою левую руку на моё левое плечо, а правую – мне на пояс, выпрямил мою спину.

Мне вдруг показалось, что я сижу за роялем в центре какой-то музыкальной гостиной, в шикарном платье, с великолепной причёской. Я утопила пальцы в аккорде и заиграла сонату с самого начала. Ни разу не сбившись, доиграла до конца, встала, окинула его взглядом, достойным актрисы Мариинского театра, и удалилась.

Моё семнадцатое лето подходило к концу. Весь день стояла духота, которая явно должна была разразиться грозой и заполнить все местные каналы репортажами о затопленных низинах, оборванных линиях электропередач и прочих радостях. Я ворочалась в кровати, не находя места ни своему телу, ни бодрствующему сознанию. В моей памяти вдруг возникла обложка книги, которую я увидела у него на полке. Я уже протянула руку, чтобы пролистать её, и вдруг услышала голос мамы:

– Лилия, оставь.

Я отдернула руку, словно от огня, успев только прочитать название, которое было так похоже на моё имя. Lolita. Мама часто называла меня Лили – с ударением на последний слог на французский манер. Я вспомнила, как однажды он назвал меня Лилитой. Тогда мама почти тем же сдержанным тоном отметила, что ей это не нравится. Теперь все эти моменты словно слились в одно, и я гадала, что могло быть в этой книге.

Я вздохнула. Мне, как и в детстве, не разрешали пользоваться Интернетом после девяти вечера, мотивируя это тем, что от переизбытка информации, электромагнитных волн и так далее нарушался сон. И хотя это правило твёрдо выполнялось мною изо дня в день, мне никак не удавалось уснуть.

Послышался какой-то шум. Я оторвала голову от бесполезно измятой подушки. В доме было тихо, звуки доносились с улицы. Я выползла из-под покрывала, которое использовала вместо одеяла летними ночами, опустила босые ноги на пол и встала. На мне была его рубашка. Я стащила её пару недель назад, и моё преступление до сих пор оставалось незамеченным. На моей изящной фигуре его рубашка выглядела более чем оверсайз. Мне казалось, что я чувствую его запах, его руки, которые обнимали меня так часто. Я твёрдо верила, что он испытывает ко мне такие же сильные чувства, как и я к нему. У меня не было ни малейших угрызений совести перед мамой. Она владела им целиком и полностью, а испытывать дочерние чувства к отчиму я вовсе не была обязана. Я часто видела сны о нас двоих, которые убедили меня в том, что ему известны мои чувства, и в том, что эти самые чувства были взаимны. Я чувствовала, что втайне от мамы мы хранили мечты друг о друге, и любое наше общение превращалось в свидание, наполненное скрытыми смыслами, признаниями и обещаниями.

Я подошла к открытому окну. Шорох, а точнее, шелест усилился. Крупные капли дождя тяжело падали с неба и отбивали чёткую по уже утратившей свою изумрудность листве деревьев. В этом году листья желтели скорее от жары, чем от приближающейся осени. Я почувствовала, что мне не хватает воздуха. Украдкой, всё так же босиком я вышла из комнаты, забыв, что на мне не пижама, а рубашка, пробралась по лестнице на застеклённую террасу, залезла на скамейку под навесом, натянула на ноги тонкий полосатый плед и закрыла глаза.

Спустя какое-то время я начала засыпать. Перед глазами замелькали какие-то образы, и уже в полусне я качнулась вперёд. Резко очнувшись, я успела поставить руку на скамейку и обрести равновесие. Передо мной стоял он. С голым торсом, в джинсах, которые он носил дома, оправдываясь перед мамой, что в офисе ему приходилось носить костюмы и только дома он мог насладиться «рабочей американской одеждой». Джинсы делали его стройнее и моложе, а в темноте ночи я едва ли отличила бы его от своих сверстников.

– Не спится?

Я отрицательно мотнула головой. У меня так бешено колотилось сердце, что мне казалось, что он его услышит.

– Симпатичная пижамка.

Я опустила глаза и задержала дыхание. Я сотню раз представляла, что мы наконец признаёмся в том, что давно скрывали от мамы и друг друга, наслаждалась тем, какие слова он шептал мне, глядя мои плечи, сгорала от желания и утопала в неге своих фантазий. А сейчас, когда и без слов ему всё было понятно, у меня руки стали холодными как лёд, ноги я вообще почти не чувствовала, и только щёки пылали так, словно их натёрли крапивой.

– Я думаю, тебе пора ложиться. Хочешь, я провожу тебя до комнаты?

Да, я мечтала, о том, чтобы он провожал меня. Но только нет, не сейчас, когда мы были так близки, когда я, словно Джульетта на балконе, нечаянно открыла ему свои чувства. Я поняла, что ещё немного – и я разревусь, как этот глупый дождь, который был свидетелем нашего ночного randevu. Неужели он ничем не выдаст, что любит меня? Ведь он же любит, я не могла так долго ошибаться.

Всё то время, пока я суматошно произносила эту речь про себя, вслух мы оба не произнесли ни слова. Я не поднимала глаз, поэтому не видела, что происходило у него на лице.

Вдруг его руки оторвали меня от скамейки и плавно подняли вверх. Мои руки оказались на его плечах, а его лицо на уровне моей груди.

Я замотала головой и выкрикнула:

– Отпусти меня, или я сделаю то, о чём буду жалеть всю жизнь!

Он не отреагировал на мои слова. И тогда я оторвала руки от его плеч, схватила ладонями его лицо, почувствовав под пальцами ещё не сбритую на ночь щетину, и прильнула к его губам. Время остановилось. Я была в таком возбуждении, что не смогла понять, ответил ли он на

мой поцелуй. Когда я оторвалась от его губ, он медленно опустил меня на пол и продолжал держать, не размыкая рук.

Я молчала. Ничего не происходило. Это было невыносимо.

– Иди спать, – резко сказала я, впервые приказав ему что-то.

Я надеялась, что он скажет хоть слово, отругает меня, что угодно. Но он молча отпустил меня и ушёл.

У меня подкосились ноги, и я почти упала на скамейку, с которой несколько минут назад он поднял меня в небо. Я ничего не чувствовала. Мне показалось, что я вдруг стала пустой. Я подумала, что самое время было разреваться, но не могла выдавить из себя ни слезинки. Мне нужно было решение. Как жить дальше.

На следующее утро я спустилась к завтраку с тёмными кругами под глазами, болью во всём теле и лишь одной мыслью. Мне нужно уехать отсюда. Я представляла, как удивится мама, как он молча примет моё решение и опустит глаза, понимая, что ответственность за моё резко изменившееся будущее лежит на нём.

Я села за стол. Мама внимательно посмотрела на меня:

– Дорогая, ты плохо выглядишь. Нам с Мишелем нужно с тобой поговорить. Но, может быть, стоит сделать это попозже?

Мишель. Почему нужно было все русские имена коверкать этими французскими аналогами? Лили, Мишель, Натали. Когда в школе я называла по привычке их имена так же, как дома, все считали, что я эмигрантка в собственной стране.

Я подняла на маму глаза. Нет, он не мог рассказать. Это было бы видно по её глазам. Но о чём же тогда им нужно было со мной поговорить? На него я не смотрела, у меня не хватало смелости.

Я залезла на стул с ногами, что мне было запрещено, и молча посмотрела на маму. Она никак не отреагировала на мой поступок и начала свою речь, явно подготовленную заранее:

– Мишель рассказал мне, что сегодня ночью вы говорили...

Я насторожилась.

– ... Я понимаю, что тебе здесь скучно и мы слишком сильно опекаем тебя. Но пойми: это всё лишь из любви к тебе. Конечно, ты уже не ребёнок и мы должны считаться с твоим мнением...

Все эти слова казались мне какой-то чепухой. У меня было всё в порядке до сегодняшней ночи, о событиях которой маме ничего не было известно.

– ... поэтому мы решили сделать тебе подарок и отправить тебя учиться во Францию по любой специальности, которая тебе по душе. Мы оплатим подготовительные курсы, чтобы у тебя была возможность продолжить обучение в колледже.

Я уставилась на Мишеля. Он молча сидел в ротанговом кресле, опустив глаза. Что такое он мог наговорить маме, чтобы она решила отправить меня во Францию за несколько часов?

– Вы решили избавиться от меня?

Лучшая защита – это нападение. Мама заволновалась и тоже посмотрела на Мишеля, явно ища у него поддержки. Он сделал вдох и посмотрел мне в глаза:

– Натали хотела сказать, что это мы мешаем тебе, а не ты нам. Именно поэтому мы считаем, что обучение за границей станет прекрасной возможностью для тебя и твоего будущего. Французский ты знаешь как родной, поэтому ты легко найдёшь себе товарищей и поле для самореализации.

– Как интересно! Я не знала, что у меня с этим проблемы!

Мама поняла, что сегодня слова Мишеля вызывают у меня не тот эффект, который она ожидала:

– Дорогой, пожалуйста, оставь нас одних.

Мишель поднялся с места и вышел. Я смотрела ему вслед так же, как и ночью, но сейчас мне хотелось запустить чем-нибудь ему в спину. Моё сердце пожирала ненависть. «Предатель!», – прозвучало у меня в голове, хотя я с трудом могла бы объяснить, в чём было его предательство по отношению ко мне.

Мама подвинула кресло ближе ко мне и села рядом:

– Лили, наверное, я слишком много думала о себе всё это время. Я чувствую себя виноватой. Я всё время воспринимала тебя как маленькую девочку, и, наверное, всегда буду так воспринимать. А ты уже такая взрослая, у тебя свои мысли, чувства и желания. Когда Мишель напомнил мне о том, что тебе уже семнадцать, я поразились, как быстро летит время. И он отметил, что ты никогда не говорила со мной о мальчиках. Ты очень ответственный человек, а я постоянно вбивала тебе в голову, что учёба, музыка – это так важно. Но я забыла о том, что сама в твоём возрасте уже была несколько раз влюблена. Ты просто не хочешь делиться со мной или твоё сердечко действительно ещё закрыто?

Я вдруг ощутила невероятную пропасть между мной и мамой. Всего несколько часов назад я целовала её любовника, а она видела во мне ребёнка. Даже если бы я хотела поделиться с ней теми сумасшедшими чувствами, которые разрывали мою душу, теперь это было просто невозможно. Для неё это станет слишком сильным ударом. Мне показалось, что я взрослая женщина, а мама, наоборот, маленькая девочка, которая нуждается в моей опеке.

– Я поеду в Париж?

– Ты можешь сама выбрать и город, и учебное заведение. Но тебе необязательно ехать. Это всего лишь идея.

– Чья?

– Мы много раз были с тобой во Франции, у Мишеля там есть друзья и связи...

– Значит, это он предложил?

– Мы говорили о тебе, эта мысль, скорее, возникла у нас обоих. Но я вижу, тебе это совсем не нравится. Наверное, это плохая идея.

Да нет, идея была великолепной. Отправить меня подальше, чтобы я не досаждала своими детскими капризами и смешной страстью мужчине едва ли не втрое старше меня. Я никогда не чувствовала себя такой униженной, такой никчёмной и ненужной. Я собиралась сказать о том, что хочу уехать, а вместо этого получила бесплатную ссылку в город мечты, да ещё и на неопределённое время. Дурацкий поцелуй. Дурацкий дождь. Дурацкая я.

– Я поеду. Только я хочу уехать завтра. У меня открытый шенген ещё на год. Я проедусь по Парижу и выберу подкурсы. А там разберёмся.

Мама внимательно слушала каждое моё слово, сжимая пальцы одной руки второй:

– Хорошо, дорогая. Мы тебе не говорили, но в начале лета Мишель взял небольшую квартирку в Париже, думали сдавать, но так руки и не дошли. Так что вопрос жилья уже, можно сказать, решён.

Я усмехнулась про себя. Мама сказала, что видит меня ребёнком, но отправить меня в одиночку в город «Мулен Руж» почему-то не казалось ей ни странным, ни опасным. Наверное, я чего-то не понимала.

Когда я вернулась в свою комнату, первой мыслью у меня было написать Мишелю письмо. Наверное, лучше на электронку. Хотя... Кто знает, читает ли мама его почту. Мне хотелось вывалиться из окна, чтобы он хоть немного почувствовал угрызения совести за то, что так грубо обошёлся с моим сердцем. Мне хотелось и мести, и раскаяния – с его стороны, и слёз, и боли...

Немного успокоившись, я осознала, что ситуация была далека от трагедии. Мне не нужно будет смотреть в его глаза, которые теперь напоминали мне о том, как глупо я выглядела ночью. И впереди был Париж. Париж однозначно означал, что всё было не так уж плохо.

Я решила, что торопиться мне некуда, и взяла билет на прямой поезд Москва – Париж. Какой смысл проглотить на высоте десяти тысяч метров всю Европу, если есть возможность прокрутить перед глазами полглобуса?

О моей незадавшейся любви не знала ни одна живая душа, а мне так хотелось выплеснуть своё горе. Мама была права: о мальчиках говорить было без толку. Любой обладатель мужского имени, возникающий на моём пути, неизбежно получал от меня самую низкую оценку при сравнении с Мишелем – властелином моих грёз, мыслей и сердца. Когда в начальных классах

он забирал меня из школы, он всегда ждал меня, стоя в самом начале школьной лестницы, и я, едва заканчивался последний урок, наспех запихнув учебники в рюкзак, пробивалась к дверям аудитории и летела по коридору к лестнице, превращаясь из школьницы в принцессу, которую ждал её принц и рыцарь. По пути я надевала рюкзак на плечи, чтобы освободить руки. Я падала в его объятия и точно знала, что в этот момент его глаза блестели так же ярко, как сияли звёзды над нашим садом.

Я одёрнула себя и продолжила паковать чемодан. Всё это было в далёком прошлом. А сейчас я была отвергнута. И не в каких-то снах и фантазиях, а в самой что ни на есть суровой реальности. Я вздохнула.

Мишель появился в жизни мамы, когда мне было чуть больше года. Какая-то запутанная история с поездкой мамы и отца вместе со мной во Францию, где мой отец просто исчез. Наверное, в двадцать первом веке это кажется смешным – потерять человека среди бела дня. Но по той версии, которая мне была известна, всё было именно так. Родители не были женаты. Мама говорила, что их отношения не требовали никаких формальностей. И тем не менее всё, что теперь я знала про отца – это отчество и фамилия, которые значились в моём паспорте на главном развороте – Лилия Игоревна Вавилова. Была ещё одна деталь, о которой стоило бы упомянуть. В одном старом мамином дневнике я однажды увидела маленькую чёрно-белую фотографию молодого мужчины, предназначенную для какого-то документа, – тёмные прямые волосы, чётко очерчивающие контур лица, глаза, выдающие какую-то боль, но при этом не делающие взгляд злым. Эта фотография лежала на странице, где я украдкой прочитала запись о том, что мама собиралась в Париж, в ту самую поездку. «Не могу поверить, что это случится так скоро», – запомнилась мне фраза, написанная маминым почерком. Запись была последней. Словно после неё жизнь дневника или его обладательницы оборвалась. Не было сомнений, что на фотографии был мой отец. А сам снимок был явно старше меня. Немного позже я осторожно спросила у мамы, нет ли у неё фотографии отца, но она только покачала головой, добавив, что я никогда не узнала бы его, если бы встретила.

Когда мама, едва не потерявшая рассудок от исчезновения отца в чужой стране, судорожно пыталась решить, что делать дальше, так же внезапно, как исчез отец, неожиданно-негаданно появился соотечественник, который, услышав нашу странную историю, вызвался помочь. Усилия не увенчались успехом, зато в Россию мы вернулись втроём.

Поначалу Михаил – да, именно Михаил, обычное русское имя – принимал активное участие в поисках отца, который по сей день остаётся для меня лётчиком-испытателем, просто сбежавшим от нас с мамой. В течение недели Мишель снимал для нас с мамой квартиру в Москве, где было больше шансов получить какую-то информацию от русского посольства во Франции. До поездки во Францию мы с мамой жили у бабушки с дедушкой, но теперь мама содрогалась от мысли о том, что ей придётся рассказать родителям, что мой отец самоудалился с горизонта. Мишель предложил нам пожить у него, пока суд да дело. Тогда-то мы и попали в этот столичный двухэтажный особняк со своим садом и потрясающим видом на искусственный пруд с пёстрыми птицами, которых я знала «в клюв», но не знала по имени.

Мишель занимался внешнеэкономической деятельностью. Когда мама говорила ему, что для неё было тайной, как место рядом с таким мужчиной могло быть не занято, Мишель шутил, что у него не было на это времени. И так же, как он привозил дорогие вина из Франции, он привёз себе жену и, на удачу, «отечественного производителя».

Я достала портрет мамы и Мишеля с полки у моей кровати. Этому снимку было больше пятнадцати лет. Мишель в ослепительно белых брюках и рубашке с длинными рукавами, верхняя пуговица расстёгнута; русые прямые волосы, такие мягкие, но на фотографии кажушиеся дерзко-жесткими; поразительно манящие глаза, взгляд которых создаёт впечатление, что он смотрит только на тебя одну, что остальной мир не существует, что всё, что есть прекрасного в этом мире, – эти глаза обещают тебе одной. Вкупе с его успешностью его облик просто не оставлял шансов для женского сердца. Неудивительно, что мама так легко рассталась со своим прошлым, о котором ей напоминала, наверное, только я. Она родила меня в двадцать лет. Немногим старше меня сейчас. А через год встретила Мишеля, который был старше её на десять лет, впрочем, как и мой отец.

Мама на фотографии выглядела совсем юной. На ней был элегантный, такой же белый брючный костюм и белая шляпа с чёрной лентой по краю поля. Эту фотографию они сделали в нашей совместной поездке в Париж. Да, этот город постоянно был судьбоносным для нашей семьи. Точнее, для меня и мамы с Мишелем.

Я не могу точно сказать, в какой момент вспыхнула моя страсть к Мишелю. И я не знаю, почему я не воспринимала его как отца, несмотря на то, что это место было вакантно всю мою жизнь. Я словно чувствовала, что мне уготовано другое, куда более яркое, всепоглощающее чувство, чем слепое детское обожание того, кто кормил тебя с ложечки. Наверное, женщины обречены влюбляться в тех, кто их кормит и носит на руках. Мишель делал и то и другое. Каждую годовщину свадьбы Мишель готовил маме великолепный ужин. Ах да, забыла сказать, они поженились через год после того, как мы с мамой переехали в особняк Мишеля. Бабушка с дедушкой не были на свадьбе, не сумев так быстро «оправиться» от рокировки мужчин в маминой судьбе, но, когда я достигла более сознательного возраста, они одаривали меня такой любовью, какой могла пользоваться только непростительно капризная единственная внучка.

Мама закончила МГИМО уже после свадьбы с Мишелем. Я почти не видела её за какой-нибудь работой. Пока я была маленькой, она уезжала только на экзамены, оставляя меня с няней, а всё остальное время проводила в особняке со мной. Когда я училась в школе, мама работала в офисе вместе с Мишелем, но, когда я возвращалась вечером после занятий в музыкальной школе, она уже всегда была дома. Летом мы уезжали во Францию, где Мишель и мама решали свои бизнес-вопросы, а я путешествовала вместе с ними.

Мишель открывал дверь небольшого уютного домика, который мы снимали на время поездки, посреди усеянного голубыми цветами поля. При выходе из дома казалось, что ты попадал на небо. Я обожала это место. Оно было для меня уютным, по-настоящему домашним. На ходу расстёгивая ворот рубашки, Мишель проходил в гостиную и падал на софу, на которой сидела мама, укладывал голову ей на колени, закрывал глаза, а она, волшебным образом улыбаясь, ерошила его волосы.

В ту поездку мне было двенадцать. Я наблюдала за мамой и Мишелем, ловила их взгляды, тайком слушала, о чём они говорили, и спустя какое-то время я сама стала смотреть на Мишеля другими глазами. Если до этого он был моим недостижимым героем и кумиром, то теперь я воспринимала его как абсолютно реального мужчину, который уже не мог воспринимать меня как ребёнка, потому что я сама больше не чувствовала себя маленькой девочкой.

Мама постучала в открытую дверь и вошла:

- Лили, тебе помочь?
- Спасибо, я справлюсь.
- Мне кажется, что я выгоняю тебя из дома.
- Это не так. На самом деле я ещё утром хотела сказать, чтобы было бы неплохо куда-нибудь уехать, но вы меня опередили, поэтому мой сюрприз провалился.
- Ты расстроилась из-за этого?
- Да, – соврала я.

Мама села рядом со мной в ворохе моих вещей и обняла меня за плечи:

- Милая, мне нужно сказать тебе ещё кое-что. – Что?

Было видно, что мама очень волнуется.

- У тебя будет братик или сестричка.
- Мне показалось, что на меня обвалился потолок, как в русской потешке.
- Когда ты об этом узнала?
 - Пару дней назад, – ответила мама, безуспешно стараясь угадать мои мысли.

У меня зашумело в голове. Наверное, если бы мама попыталась что-то сказать, я бы только видела, как она шевелит губами, словно через толстое стекло. Но она молчала.

- Мишель знает?
- Да, я сказала ему вчера вечером.

Боже мой! В ту же самую ночь, когда Мишель узнал, что у него будет свой ребёнок от любимой женщины, его приёмная дочь оказывается влюблённой в него самого.

- Мама... Я так за вас рада, – я упала маме на руки и разревелась.
- Доченька... Лилечка...

Мама тихо плакала вместе со мной. Мне показалось, что тот дождь на террасе смыл моё детство, а если что-то и осталось, то теперь оно растворялось в моих слезах. И я вдруг поняла, что я ещё не готова к чему-то новому, что я не готова к ответственности за свою жизнь, что я хочу обратно, хочу, чтобы время остановилось тогда, когда все мы были вместе и были счастливы. И одновременно с этими мыслями я понимала, что это уже невозможно, что мне придётся встать с этого места и уступить его новой Лили, которую я ещё совсем не знала. Я боялась не будущего, я боялась её, новую себя, которой придётся столкнуться с тем, с чем она никогда не имела дела, и что было дальше – одному богу было известно.

Я услышала, как к дому подъехал Мишель. Мама поцеловала меня и вышла из комнаты.

Я встала и подошла к шкафу с зеркальной дверью. Рядом с ним на стене до сих пор висела «линейка роста», о которой я уже давно не вспоминала. Отметка жирным шрифтом 100 см. Как мне всегда хотелось быть повыше... Я взяла в руки карандаш, стала спиной к «линейке», выпрямилась, подняла руку и постаралась поровнее поставить карандашом новую отметку. Когда карандаш уткнулся в стену, я «вынырнула» из-под него и повернулась к «линейке» лицом. 170 см. Ну хоть так.

В зеркале стояла всё та же Лили, никак не изменившаяся за последние сутки. Всё та же чёлка, уже далеко не пшеничные, но и не чёрные волосы, которые немного вились, но как-то неуклюже. Стоило подрезать пару прядей у лица, как они сразу торчали в разные стороны, и справиться с ними можно было только зажимами до самых кончиков. Я хотела найти актрису, на которую я была бы похожа, чтобы можно было «списывать» с неё образы, стиль, подбирать гардероб. Я знала, что мне идёт, пока я была школьницей, когда яркость чревата вниманием преподавательского состава и намёками на преждевременное взросление. А вот когда вставал вопрос о том, чтобы выделиться из толпы, кроме зелёных волос и красной помады, мне ничего не приходило в голову. Я всегда удивлялась, как маме удавалось быть нарядной без блеска и яркого макияжа, в то время как я всегда казалась себе совершенно «акварельной», где воды было больше, чем краски. Даже глаза у меня были совершенно непонятного цвета. Не серые, не зелёные, не голубые, а как-то всё вместе. К носу у меня не было претензий. По крайней мере, он никогда не становился объектом чьих-либо насмешек. А вот что я действительно любила в себе – это цвет лица. У меня всегда была очень чувствительная кожа, которая легко сгорала на солнце и реагировала на любые недосыпы, но при «бережном обращении» она была просто идеальной. Ни одной родинки на лице, никаких подростковых подвохов, которые нужно было замазывать. Интересно, какой стала Алиса Льюиса Кэрролла, когда она выросла? Осталась ли она такой же милой или каждый день, подходя к зеркалу, как я сейчас, она надеялась, что из Зазеркалья выйдет более красивая девушка и пригласит её в Страну Чудес?

Мои мысли снова унеслись в недалёкое прошлое, в тот день, когда мы с Мишелем вместе ходили по магазинам, выбирая мне наряды на это исчезающее лето. Я с важным видом уходила в примерочную с цветным ворохом, а Мишель ждал меня в кресле, читая новости на смартфоне. Когда я появлялась, он поднимал глаза и улыбался. Я делала вид, что обижаюсь, что он мне совсем не помогает, как это делала мама. Но это было неправдой. Все его улыбки я знала наизусть. Едва промелькнувшая обозначала сдержанный смех, поджатая губа была знаком того, что он очень сомневался в моём выборе, улыбка с наклоном головы влево говорила о том, что я выглядела «ничего», и, наконец, если лёгкую улыбку затмевал яркий пристальный взгляд, я понимала, что я королева.

Одно платье я купила, не показывая ему. Я мечтала, что надену его на годовщину их свадьбы в сентябре и буду красивее мамы. Я положила его на дно чемодана: в самом деле, не оставлять же это сокровище дома.

Когда живёшь бок о бок с любимым человеком, необходимость всерьёз задумываться над своей внешностью отпадает сама собой. Любовь к Мишелю спасла меня от кучи комплексов, которые одноклассники собирали из года в год, пытаясь вызвать интерес у сверстников, в лучшем случае старшеклассников, для которых вся романтика заключалась в ехидном хохоте за спиной. Я вообще удивлялась, откуда потом берутся мужчины. В какой-то момент обладатели этих совершенно ничего не выражающих глаз вдруг прозревали и начинали видеть всю ту красоту, которой они были окружены. Самое страшное, что даже если это и происходило в школьные годы, то объекту внимания доставалось так, что не позавидуешь. У меня было достаточно времени, чтобы, наблюдая судьбу мамы, вывести для себя одну простую истину: мужчины делятся на тех, кто предаёт, и тех, кто спасает. В школе мужчин не было вовсе. Были только мальчишки, а разбираться в этих подвигах мне не представлялось интересным.

Как бы я ни выглядела, что бы я ни носила дома или в школу, Мишель всегда ждал меня, в его отношении ничего не менялось, мы говорили обо всём на свете, и даже мои капризы, которые я порой не могла обойти, останавливались силой, которая исходила от него без вся-

ких слов. Он просто давал мне возможность выплеснуть все эмоции, и я не тащила на себе обрезки своего характера, который на каждой примерке разлезался по швам и требовал новой переделки, а иногда и выкройки.

Была ещё одна вещь, судьбу которой мне нужно было решить. Та самая рубашка Мишеля. «Интересно, – подумала я, – если я верну, он наденет её? Будет ли вспоминать меня так, как я думала о нём, надевая эту рубашку? Или мужчины вовсе не так сентиментальны?». У меня не было ответа ни на один из этих вопросов. Я свернула рубашку и быстро отнесла её в комнату мамы и Мишеля.

Вечером я спустилась к ужину. Несмотря на август, было прохладно. Я мельком взглянула на первую полосу местной газеты, которая лежала на тумбочке. Никаких сообщений об оборванных проводах прошлой ночью, слетевшей черепице и поваленных непогодой деревьях. Похоже, катастрофа коснулась только меня. Это было нечестно. Я, смирившись с тем, что в последние двадцать четыре часа вокруг царила сплошная несправедливость, села за стол.

Наверное, если бы в тот вечер кто-то вошёл в комнату и увидел нас, молчание, изредка прерываемое звоном посуды, он принял бы за знак того, что мы не слишком привязаны друг к другу. Но это было не так. Именно наша общая любовь сейчас мешала нам быть общительными и приветливыми. Я знала, что мои чувства сейчас разделяли и мама, и Мишель. Как бы там ни было, наша семья существовала столько лет. И она не могла развалиться за несколько часов. Мне казалось, что этот ужин был похож на провода на вокзале, когда до отправления поезда всего несколько минут и всё уже сказано, вещи стоят в

купе, а ты стоишь и считаешь секунды, совершенно не зная, что сказать. Да и что это может быть за беседа?

Я подумала о том, что завтра будет как раз такое прощание на вокзале:

– Не провожайте меня завтра. Я поеду одна.

Мишель и мама посмотрели на меня и переглянулись. Они ничего не сказали. Молчание – знак согласия. Тем лучше. Я снова увидела себя со стороны. Снова маленькая девочка, с капризами которой просто не хотели иметь дело. И снова эта маленькая девочка пыталась заявить о своей взрослости и самостоятельности. Бедная мама. Я отругала себя. Ей ведь нельзя волноваться. Скорее бы я уже уехала и оставила их с Мишелем в покое.

Единственным способом закончить это мучение было поскорее расправиться с едой и подняться к себе. Что я и сделала. Но, выйдя из комнаты, я задержалась в коридоре так, чтобы меня не было видно.

Сначала они молчали.

– Что думаешь? – услышала я голос Мишеля.

Мама вздохнула:

– Я не уверена в том, что мы поступаем правильно. Лили весь день сама не своя.

– Это началось раньше, чем мы сказали ей о Франции.

Я насторожилась.

– Да, ты прав. Она сказала мне, что собиралась сказать, что хочет уехать, а мы опередили её.

– Правда?

Жаль, что я не видела его глаз.

– Если бы мы немного подождали, возможно, всё было бы иначе, – продолжала мама. – Наверное, тогда мы бы весело обсуждали её идею, планировали поездку. А получилось, что мы просто выставили её за дверь. Она очень любит сюрпризы, а получилось всё наоборот. Помнишь, как она в детстве любила прибегать к нам в комнату и будить нас? А если мы выходили раньше, то она ужасно расстраивалась.

– Да, «сюрприз» повторялся на протяжении почти года, – с улыбкой в голосе сказал Мишель.

Я почувствовала, что слушать воспоминания о моих детских причудах становится небезопасным для моей и без того подорванной самооценки.

– Зато мы каждое утро дольше оставались вдвоём, а не бежали каждый по своим делам.

Её забава сделала нас ближе, – голос мамы стал очень тёплым.

– Лили – очень важное звено нашей семьи. Я знаю, ты не любишь вспоминать тот день. Но тогда во Франции я сначала заметил очаровательную маленькую девочку, которая только делала первые шаги, а потом её прекрасную, но совершенно растерянную маму. Я полюбил вас с первого взгляда. И мне очень нелегко расставаться с ней.

Я закусила губу, сдерживая слёзы. У меня внутри всё таяло и болело одновременно. Моя значимость снова вернулась ко мне. Мишель словно знал, что я слышала его. И он сказал именно то, что было нужно мне для моего спасения:

– Но я отдаю себе отчёт в том, что для Лили будет непросто становиться не единственным ребёнком, а ведь она уже и не ребёнок. Ей нужно строить свою жизнь. И мы сделаем всё, что от нас зависит, чтобы помочь ей.

Я поднялась в свою комнату. Мне было неважно то, о чём ещё они будут говорить, что будут вспоминать и что решать. Я услышала главные слова. Он меня любит. И даже если любит не так, как я бы этого хотела, это не значит, что он не любит меня всем сердцем.

Ночью я просто спала. Без снов и без одежды, словно я совершала ритуал очищения от прошлой жизни.

После завтрака я кинула в рюкзак планшет, телефон, пару бутербродов, словно я собиралась в школу или на прогулку, выкатила чемодан, села в такси и уехала. Это было идеально. Никакой драмы, слёз и тому подобного. Мама улыбалась, думая, что я уже в полном порядке. Мишель куда-то уехал, и я была рада этому.

На самом деле поезд был в десять вечера. Но пережить ещё один день в доме, где я за одну ночь стала лишней, я не могла. «Сдам чемодан в камеру хранения и пройду по Красной. Кто знает, когда я снова увижу куранты...»

Захлопнув дверь такси, я вошла в здание вокзала. Вот где царила жизнь. То тут, то там закручивались водовороты людей, унося в своём потоке газеты, сумки, разноцветные билеты. На островках кафешек «оседали» проголодавшиеся ещё-не-пассажиры. На табло расписаний поездов горели буквы и цифры, словно тайный код для тех, кто ждал их появления и сразу же срывался с места, направляясь в сторону своей платформы, вагона и событий.

На вокзале либо много времени, чтобы подумать о чём-то своём, либо ты так торопишься, что вовсе забываешь о себе. И эта вокзальная философия чувствуется во всём и всех. Всех присутствующих можно разделить на четыре категории: статичные (продавцы и долгожданные), динамичные (бегущие, прибывающие), виртуальные (те, кто уже уехал, но оставался в кратковременной памяти провожающих или кто ещё не приехал, но уже мелькал в сознании ожидающих), и, наконец, я. Да, мне не хотелось попадать под какую-то классификацию. Я спокойно шла по вокзалу, не вспоминая прошлого, не думая о будущем, я просто разглядывала людей, к которым, как ни крути, я тоже относилась.

Я выпрямилась, позволив тяжести рюкзака оттянуть мои плечи назад, закатала по локоть рукава своей блузки кирпичного цвета – вот представьте, возьмёте и потеряетесь, а у прохожих так удобно будет спрашивать: «Вы не видели девушку в красной блузке?». Хотя кому и зачем меня искать?

Камера хранения пустовала. Я подкатила лёгкий, но объёмный чемодан к дверце, взяла номерок из рук услужливого узбека, который хотел мне улыбнуться, но вместо этого как-то неоднозначно хмыкнул. Я молча кивнула.

Метро. Кто-то боится эскалаторов, кто-то падения с перрона на рельсы, а я боюсь дверей на входе, из которых дует такой сильный ветер, что тебя отбрасывает в сторону от этих тяжёлых дверей с толстенными стёклами. И весь дух Москвы в этом. Не выдержишь – выдует туда, откуда приехал. А едва прошёл в двери, как они уже летят обратно, чтобы дать пинка замешкавшимся.

От Белорусской до Театральной – вдох-выдох и на месте. То ли дело прокатиться до Речного вокзала, где на паре последних станций можно хоть вприсядку плясать в пустом вагоне и распевать арии во весь голос, что и делают покорители столицы в свободное от своих грёз время.

Когда я шагнула на брусчатку Красной площади, мне стало тяжело дышать. Что я делаю? Что я буду делать, когда вместо знакомой кирпичной стены передо мной будет эта высокая треугольная железка чудака Эйфеля? Неужели никто не станет останавливать меня и отговаривать от этого безумия? Я судорожно стала рыться в сумке в поисках мобильного телефона. «Мама, я не хочу уезжать. Я сейчас позвоню ей и скажу, что всё это чушь полнейшая!». И тут я вспомнила, что мобильный и все мои документы остались в рюкзаке, который я машинально сдала в камеру хранения вместе с чемоданом. Господи, какая глупость!

– Do not panic! – услышала я голос словно с неба.

Рядом со мной стоял высокий американец и улыбался потрясающей улыбкой. В его руках была табличка гида с номером пять, а рядом толпились туристы. У каждого в руках был фотоаппарат с полуметровым объективом, словно они хотели заснять, как президент пьёт чай, через окошко Кремля.

– Do you need any help? – снова обратился ко мне обладатель голоса.

Моего английского вряд ли бы хватило, чтобы объяснить всю мою ситуацию, поэтому я ответила: «All OK, thank you». Паника и правда прошла. Американец продолжал меня разглядывать с некоторым любопытством, а я краснела от этого внезапного внимания. Он оглядел своих подопечных и погнал их в сторону Мавзолея, периодически останавливаясь и посылая мне воздушные поцелуи, чем вызывал приступ радости у всей группы туристов.

Я провожала взглядом эту компанию и давилась смехом. «Вот теперь я верю, что это Лили», – сказал бы Мишель, сканируя блеск моих глаз.

ГУМ. Самое вкусное мороженое в мире. И самое дорогое в стране. Я сидела на центральном проходе возле круглого фонтана, на бортике которого стоял маленький мальчик, которого папа поддерживал под руки. Малыш тянул руки к воде и радовался, как и свойственно ребёнку, каждой порции брызг, долетавшей до его вытянутой руки или лица. Я хрустела вафельным стаканчиком и чувствовала себя частью этой семьи, словно я была старшая сестра мальчугана. Сестра... Я скоро стану сестрой... Если бы я не уезжала... На этом месте через пару лет будет стоять Мишель со своим сыном, а на моём месте будет сидеть мама, наверное, с таким же мороженым, нашим любимым. В её счастливых глазах будет светиться гордость за такого потрясающего отца и мужа, за сына, которого она ему подарила. И вспомнит ли она, что где-то в Европе гуляет её уже совсем самостоятельная дочь, которая так боялась уезжать, хотя... ей об этом неизвестно.

Мороженое стало каким-то безвкусным. Я проглотила последний кусок, не жуя, рискуя переохладить свои чувствительные связки. Мне нужно было срочно придумать, как себя отвлечь. Это же невыносимо – постоянно думать о полной неизвестности.

Интернет! Где ещё можно зависнуть на несколько часов, полностью отключив голову? Телефона у меня по-прежнему не было. В первом же бутике я спросила, есть ли поблизости интернет-кафе. Меня отправили в гостиницу поблизости. В холле была «парковка» мониторов с клавиатурой и подключённым wi-fi. Я с наслаждением опустила в кресло, надела наушники и ушла в сеть. В телефоне остался и адрес квартиры в Париже, поэтому я не могла сейчас открыть панораму с улицей, на которой начнётся моя новая жизнь. Что я буду готовить себе на ужин? Моё самостоятельное меню от силы включало десяток блюд, которые я подсмотрела у мамы и иногда брала на себя роль хозяйки. Впереди целый квест. Я открыла маленький блокнот, который всегда носила в сумке, и набросала список дел, с которыми мне нужно будет разобраться, чтобы сделать жизнь более-менее комфортной, а уж потом обивать пороги учебных заведений самого романтического города мира.

В голове зазвучал аккордеон – стереотип, который на самом деле был правдив. Это был голос Парижа, по крайней мере, для меня. Мама любила «Либертанго» Пьяцоллы, а я всегда отдавала предпочтение «Обливион» с его щемящей мелодией, зовущей куда-то в бездну. Я твердо верила, что эта мелодия – голос какой-то неведомой судьбы, которая мне неподвластна. Я нашла запись в сети, закрыла глаза, и мне показалось, что я снова сижу рядом с Мишелем в

потрясающем концертном зале, где мы слушали концерт аккордеона с симфоническим оркестром, и у меня дрожала душа, резонируя с этим странным голосом инструмента, так не похожего на обволакивающие и поющие скрипки, благородные виолончели... Ему словно было всё равно. Он *звучал* так резко, так открыто, не скрывая ничего из того, что хотел сказать мне, а я была совершенно обезоружена этим откровением. Я не понимала, что со мной творится, и так боялась, что это закончится.

Я вышла из гостиницы в восемь. Меня осенило, что я так и не обедала. Правильно мне запрещали Интернет. Я забыла обо всём на свете. Заскочив в пиццерию на углу, я подумала, что можно было бы уже ехать на вокзал, но я всё ещё медлила с решением. На улице стало прохладно, было уже темно, что едва ли было заметно на щедро освещённой Красной. Ещё полчаса я кружила по неровной брусчатке, осознавая, что мне становится всё равно, где я и зачем. Все чувства я оставила в Интернете, прокрутив «Обливион» не один десяток раз. Я шла, глядя в какой-то портал сквозь всё, что меня окружало. На очередном круге я свернула к метро, держа в руке номерок от камеры хранения, словно уже заходила в здание вокзала.

Телефон и документы были на месте. Я сняла блокировку в надежде увидеть пару сотен уведомлений о пропущенных звонках от мамы или Мишеля. Ничего. За весь день? Как странно. Мама всегда просила меня отзвониться, когда я садилась в автобус или поезд. Я не говорила, что поезд вечером. Может быть, она решила, что это всё была шутка и я, побродив по Москве, к ужину появлюсь дома? А не думала ли я сама, что всё это просто шутка? Нет. Если бы не та ночь, этого не могло быть даже в шутку. Но не теперь. У меня был весь день. И я не нашла ни одного повода остаться, кроме того, что меня пугала сама неизвестность, но это был не повод.

Я уже стояла на перроне и смотрела, как мимо проезжают вагоны. Первый, второй... Мой восемнадцатый был ещё далеко.

Вдруг кто-то дёрнул мой чемодан. Я на автомате схватила длинную выдвижную ручку второй рукой и устояла на похитителя, набрав воздух в лёгкие, чтобы закричать. Свет от фонаря, как раз слева, ударил мне в глаза, и я зажмурилась. В то же мгновение тень человека заслонила свет, и на силуэте, словно на мгновенном снимке, проявились цвета одежды и лицо. Рубашка. Та самая. Улыбка. Та самая, с пристальным взглядом.

– Думала, не провожу?

Я опустила глаза и резко отвернулась. Мишель взял меня за плечи и повернул обратно, присел передо мной на корточки. Я встретилась с ним взглядом.

– Лили, я не хочу, чтобы ты уехала с обидой на меня.

– Тогда поехали со мной, – бросила я.

– Ты знаешь, это невозможно.

– А ты бы хотел этого?

– Я уже однажды сделал это. Шестнадцать лет назад.

– Почему же теперь я уезжаю одна?

– Потому что ты сама так решила.

– Чтобы задеть тебя...

– Я знаю. Именно поэтому я здесь. Я не знаю, в какой момент я совершил ошибку и подал тебе какие-то знаки. Ты очень красивая девушка, а я мужчина, который не мог бы остаться

равнодушным к такой красоте, уму и обаянию, которыми ты обладаешь. Но всё же у нас есть определённые социальные роли, изменить которые возможности я не вижу. Ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь, какая тебе только понадобится. Но себя я тебе не могу пообещать. Я не принадлежу себе. Я принадлежу Натали.

– И ты не жалеешь об этом.

– Я не стану лгать. Я люблю её и тебя словно две части одного целого.

– А теперь одна часть взбунтовалась.

– Вроде того, – улыбнулся Мишель.

Я протянула руку к его груди и взялась за рубашку.

– Почему? – спросила я только, зная, что он поймёт мой жест.

– Потому что я не хочу, чтобы ты думала, что я отверг тебя. Я никому не пожелал бы оказаться на моём месте. Жизнь подарила мне слишком много счастья за какие-то несколько часов, а я словно чувствую, что не заслужил этого. Натали беременна, я мечтал об этом все эти годы. А ты, Лили... То, что я понял прошлой ночью, я не смел принять, но и не считаю возможным отвергнуть, отчитывая тебя, как свою дочь, которая ведёт себя не так, как нужно. Я вижу в тебе твою маму, когда мы впервые встретились, и я ловлю себя на мысли, что забываю, с кем я нахожусь и кого я люблю. Я боюсь говорить с тобой об этом, чтобы не подать тебе напрасные надежды, но и боюсь ранить тебя, внушив, что ты недостойна чувств, которые на самом деле я испытываю к тебе. Я мог бы спросить сейчас, какой выход ты сама видишь для нас двоих из этой ситуации. Но это жестоко – сваливать на тебя ответственность за решение, которое даже я принять не в силах, со всем своим пониманием, возрастом и опытом. Мне остаётся лишь надеяться, что всё само станет на свои места. И я надеюсь, что после этого разговора ты не станешь ненавидеть меня больше, чем за десять минут до него.

Я опустила голову и улыбнулась от его улыбки, с которой он произнёс последнюю фразу, а затем почувствовала, что глаза застилают слёзы, но внутри у меня больше не было ни ненависти, ни боли, ни обиды. Меня провожал он. И, хотя он не просил меня остаться, я знала, что это уже не то прощание, которое разбивает. Это прощание было спасением.

Наш разговор подходил к концу. Да, проводы на вокзале оказались не такими, как я себе представляла за ужином накануне отъезда. Я поняла, что исчерпала эту историю. У меня не было повода таить обиду: все точки были расставлены. Мишель был рядом, мне нечего было желать. А что будет дальше, я не знала. И в тот момент не думала об этом. Я настолько привыкла к его присутствию, что тогда, наверное, ещё не осознавала, что действительно уезжаю. Одна.

Мне казалось, что наша встреча длилась пару мгновений, но когда я вошла в поезд, он почти сразу тронулся, хотя я ещё даже не дошла до своего купе. Я остановилась прямо в проходе и прилипла к окну. Мишель смотрел на меня. Мне вдруг показалось, что мои виски сжимает железный обруч, выдавливая из меня слёзы, которые я хотела скрыть. Я силилась отвернуться, но боялась, что, если двинусь с места, я просто рассыплюсь на части. На детство и настоящее, на воспоминания и мелькающее будущее, на сердце и голову, у которых сейчас не было ничего общего. Меньше, чем через минуту взгляд Мишеля уже оставался только в моей памяти, а он остался на перроне моей прошлой жизни.

Я не помню, как дошла до купе. Билеты, документы, предложение выпить чаю от проводницы... Наверное, было так. Я не помню.

Ночь. Я прижала к себе руку, которой прикоснулась к рубашке Мишеля, а он поцеловал мои пальцы перед тем, как я вошла в вагон. Никогда я ещё не чувствовала себя такой взрослой. Никогда я ещё не принимала решения, от которого зависела моя судьба. Никогда ещё я не шла вперёд, когда на другом конце пути не было человека, которого я знала всю свою жизнь. Я уснула, зная, что в эту ночь он будет принадлежать только мне.

Я проснулась в девять. Россия осталась позади. В семь утра мы проехали Минск, я пожалела, что проспала. «Ладно, на обратном пути постараюсь не пропустить», – подумала я и усмехнулась. Когда это теперь будет? А что, если я больше никогда не вернусь? Что, если со мной что-нибудь случится?

Сознание снова начало погружаться в какой-то мрак, который мог бы мне уже и надоесть. В купе вошли сразу три женщины, очевидно мои спутницы. Забавно, что меня не смутило их отсутствие, когда я проснулась. Я так привыкла к мысли об одиночестве за последние сутки, что была уверена, что и в поезде вокруг меня не будет ни одной живой души. Теперь же приходилось осознать, что меня вполне могут ждать расспросы о том, где мои родители, почему я еду одна, сколько мне лет и так далее. «Неплохо было бы придумать историю, которая бы отметала все вопросы», – подумала я. Ничего лучше того, чтобы сказать, что я сирота, в голову не приходило. К тому же в моём нынешнем состоянии я вполне могла пожалеть себя так, что из моих глаз потекли бы слёзы, полностью уничтожая сердобольных спутниц, и им было бы крайне неловко общаться со мной. Кто придумал эти однополые купе? Ещё двадцать семь часов...

Чтобы хоть чем-то занять себя, я изредка бросала взгляд на спутницу на нижней полке напротив меня. Женщина лет сорока, хотя все старше двадцати пяти для меня были «лет сорока», так как я просто понятия не имею, как можно определить возраст по внешности. У неё были волосы до плеч, каштанового цвета, платье цвета какао самого обычного фасона – круглый вырез, короткие рукава, вытачки под грудью и на талии. Шею украшала тоненькая цепочка с аккуратной подвеской в форме буквы М. «Ну вот, – вздохнула я. – И здесь Мишель». Я понимала, что мне предстоит теперь везде слышать его голос, читать журналы, где на каждой странице будет его имя, попадать в ситуации, которые будут мне напоминать о нём... Весь мир теперь сговорится забрасывать меня Мишелем. Я не собиралась с этим бороться. Меньше всего я сейчас была готова к какой-то борьбе.

Во время длительной стоянки в Бресте по вагону стали бегать продавцы-разносчики, предлагая «пирожочки, колбаску, сувенирчики». Я вышла из вагона, чтобы сбежать от этой снующей туда-сюда ярмарки, но на перроне ко всему этому добавились ещё платки, фрукты, тряпичные куклы. Я развела руками, давая понять, что у меня нет с собой денег, и меня «отпустили». В двух вагонах от моего был небольшой ларёк. Я прошла к нему, радуясь уже тому, что в августе так просто можно было выскочить из поезда, подышать свежим воздухом без необходимости надевать верхнюю одежду и кутаться на ходу. Но в Бресте было гораздо холоднее, чем в Москве, и только то, что был уже полдень, позволяло мне наслаждаться последним летним теплом. Какая погода была теперь в Париже? Судя по «Интернет-погоде», в столице Франции царил лето и только начинался бархатный сезон, впереди была жаркая пора туристических наплывов – толпы, за которой невозможно сделать ни одного приличного кадра даже в три часа ночи, только если вам не хочется показать туристическую моду этого года.

С этими мыслями я подошла к киоску, с одной стороны заставленному местными напитками, а также вездесущей «Фантой», «Пепси» и «Колой».

А с другой стороны, к моему удивлению, была книжная витрина. Я пробежала глазами по обложкам, пытаясь прочесть названия, которые были исковерканы странным образом. И тут меня осенило, что книги были на белорусском языке. Я развернулась и отправилась обратно к вагону.

Мои купейные дамы снова отсутствовали. Я не стала закрывать дверь, села на полку, вытащила планшет из рюкзака и нажала на кнопку включения. На матрас моей полки поставили коробку.

«Опять...» – подумала я, провожая очередного продавца, который быстро шёл к следующему купе. В коробке оказались книги. Я решила порыться в куче немного потёртых переплётов в надежде обнаружить что-нибудь на русском. Почти на самом дне вместительной коробки лежала книга оборотной стороной обложки, на которой приятно читался русский текст. «Впервые издана в Париже. В США опубликована 18 августа 1958 года...». Я посмотрела на экран планшета. Ну да, сегодня. Восемнадцатое августа. Шестьдесят лет назад.

Я взяла книгу в руки и повернула лицевой стороной к себе. Во всю ширину книжки горела золотая надпись заглавия – «ЛЮЛИТА». Меня словно обожгло. Та самая книга, которая стояла на полке в комнате Мишеля. Я открыла книгу и попыталась прочесть первый абзац, но у меня так дрожали руки и прыгало сердце, что я не могла сконцентрироваться и только бегала глазами по первой строчке, не слыша в голове ни слова, что должен был прочесть внутренний голос.

Краем глаза я заметила, что к купе подходят мои спутницы. Я, помня реакцию мамы на книгу, которую я держала в руках, машинально закрыла её планшетом. Вслед за моими соседками в купе молча протиснулся продавец, схватил коробку с книгами и вышел так быстро, что я не успела ни сунуть книгу обратно, ни остановить его. В следующее мгновение я хотела выскочить за ним, чтобы или вернуть книжку, или заплатить за неё, но у меня не было местных денег, что ещё больше ввело меня в ступор. Я всё же второпях надела босоножки, схватила планшет, по-прежнему скрывающий книгу от посторонних глаз, и выскочила из купе. Быстро пройдя мимо двух оставшихся купе, я вышла в тамбур. Проводница поднимала ступеньку, поезд качнулся, и картинка поплыла перед моими глазами. Я стояла перед ещё открытой дверью вагона и пыталась расслышать хоть что-нибудь из своих мыслей за нарастающим стуком колёс.

Проводница улыбнулась мне и вернулась в вагон. Я осталась наедине с невольно похищенной книгой. Почему эта книга всё время ставит меня в неловкое положение? Я чувствовала противный вкус воровства. Почему Мишель назвал меня Лилитой, а мама запретила мне взять эту книгу, что, совершенно очевидно, было связано с этим именем, так вызывающе выбитым на тёмной обложке?

Меня вдруг осенило, что я уже не дома, что за мной никто не следит, а точнее, не контролирует мои поступки и мысли. Мне ничто не мешало найти ответы на все эти вопросы, всего лишь прочитав эту таинственную книжку, которая посчитала нужным остаться в моих руках.

Я всё ещё думала, что не стоит выставлять обложку книги на всеобщее обозрение соседок по купе, поэтому предложила переселиться на верхнюю полку, уступив нижний «этаж» сдружившейся троице, чтобы спокойно предаться чтению.

Гумберт – какое смешное имя. Автор – чужак. Кстати, кто автор? Владимир Набоков. Русский писатель? Подождите, а почему тогда книга впервые издана в Париже, куда я еду? А потом в Америке... Ну да Бог с ним.

Прочитав несколько страниц, я поняла, что книга меня уже не отпустит. Она была похожа на детектив. Я проглатывала страницу за страницей, но по-прежнему не понимала, что заслуживало столько внимания со стороны мамы.

Прошёл час. Потом ещё один. Я продолжала читать, не замечая ничего вокруг. Мои соседки даже пытались что-то спросить, но я только отрицательно мотнула головой в ответ, даже не осознав содержания вопроса. Больше меня не беспокоили.

Перед моими глазами возникал образ Лолиты, которую я начинала ненавидеть всей душой. Так вот кому я была обязана страхами моей мамы, да, наверное, и Мишеля. Они оба, не сговариваясь, боялись увидеть во мне, не побоюсь этого слова, «больную» девочку, которая была развращена непонятно кем и чем. Смешно. Во-первых, для нимфетки и двенадцатилетней Лолиты я была уже «старушкой». А вот Мишель вполне сошёл бы за Гумберта, но, похоже, творчество Набокова интересовало его только в литературном плане.

Во мне поднималась злость, как в тот день, когда мама объявила о моём отъезде во Францию. Мне захотелось сделать странную вещь. Мне захотелось вернуться, прямо сейчас, и соблазнить Мишеля, чтобы все их глупые страхи свершились, раз они так хотели руководствоваться ими, выбирая моё будущее. И тогда так ли уж страшно было бы это на самом деле? Разве я перестала бы быть дочерью влюблённой во французский язык Натали? Разве мама смогла бы уйти от Мишеля, который был всем её миром? Разве Мишель пошёл бы стрелять в себя, как Гумберт пристрелил Куильти? Одна ночь с Мишелем могла лишь сделать меня «женщиной», не более. И никто, кроме нас с Мишелем, не узнал бы об этом, потому что на самом деле никому из нашего мира на троих не нужны были п13птеремны.

В девять вечера поезд остановился в Берлине. До Парижа оставалась всего одна ночь. Снова всего одна ночь.

Я сидела на полке купе без движения. «Лолита» лежала рядом со мной. Я слушала себя и не могла понять, что со мной происходит. Мне хотелось поговорить с До. Хотелось поделиться с ней своей дурацкой историей любви, словно только она могла понять меня. Она, испорченная, глупая, не нашедшая мужчины, который был бы для неё тем, кем был Мишель для моей мамы. Я чувствовала, что глотаю слёзы, которых я не увидела на страницах Набокова. Лолита ревела, закатывала истерики, но она ни разу не плакала теми слезами, которые спасают и очищают душу. Я вдруг услышала голос мамы, снова произносящей: «Лилия, оставь», когда я держала в руках «Лолиту». В этом голосе был не страх, в нём было отвращение и непонимание, которое было направлено на текст, а не на меня. И то, что я прикоснулась к «Лолите», словно могло испачкать меня.

Нет, я не Лолита. Мама, ты веришь? А ты, Мишель? А я? Лолита не была частью любовного треугольника, а я вылетела из своего, словно бильярдный шар, и жизнь несла меня в город, который открыл миру эту странную книгу.

Я проснулась от лёгкого покачивания. Проводница с улыбкой будила меня, и, судя по смеху в глазах остальных спутниц, уже не одну минуту.

Она с интересом поглядывала на «Лолиту», которая лежала возле моей подушки.

– Через двадцать минут Париж! – загадочно и радостно объявила мне проводница.

Я спросонья подумала о том, что еду в Париж без очевидной причины. Я уезжала из России, а не ехала в Париж, в отличие от главной героини мультфильма «Анастасия». В голове зазвучала мелодия вальса, но его тут же прервал разговор проводницы с моими соседками. За почти двое суток я так и не узнала, зачем они едут в тот же самый город. Хотя я была твёрдо уверена в том, что едут они затем, чтобы тратить деньги. Для этого Париж был просто идеален. И если бы не случайно свалившаяся квартира и спонсорство Мишеля, то моё пребывание в Париже с первых же дней превратилось бы в коллекционирование пачек счетов, на которые у меня, конечно же, не было бы ни копейки. Помню, как в гостях у подружки мамы на юге Франции я созерцала шкаф, доверху забитый какими-то папками, на корешках которых коротко было описано содержимое. И всё это были счета и квитанции за квартиру, телефон, какие-то налоги. Потрясающее зрелище, которое свидетельствовало лишь о том, что Франция была отчаянной бюрократкой.

Я сползла с верхней полки, сразу прихватив и рюкзак, в который предварительно сунула «Лолиту». Похоже, мне теперь долго придётся жить с этой «подругой». Заскочив в уборную, я наспех умылась, слегка намочила волосы, растрёпанные, словно всю ночь я участвовала в боях подушками. Уже в купе я расчесалась, периодически задевая расчёской свои лопатки, чтобы не толкнуть локтем вытаскивающих чемоданы спутниц. Они уже всё обсудили, подружились и, быть может, даже договорились вместе попить кофе где-нибудь на открытой террасе. А я как была, так и осталась одна. Зато у меня в телефоне был записан адрес фиктивно моей квартиры. В Париже. Я улыбнулась. Это был не единственный козырь. Я была франкоговорящей. А для любого француза это ценнее, чем владеть картиной из Лувра.

Причина

На каждый вдох положен выдох,
На каждый взгляд – ответный взор,
На всякий вход подобран выход,
На всякий ум приходит вздор.

Построен дом – найдётся житель,
Посажен сад – прольётся дождь,
Стучит мороз – довязан свитер,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.